

СЛОВАКИЯ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ*

**Наталья Васильевна
Коровицына –**

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт Европы РАН.
Ул. Моховая, 11-3, Москва, Россия, 125009.
korovicsyna@mail.ru

Аннотация

Автор анализирует динамику важнейших демографических тенденций либеральной модернизации в Словакии как результата поколенческих сдвигов. Особое внимание уделяется проблематике семейного поведения и сохраняющейся роли сельского происхождения населения в современном словацком обществе. Нынешнее общество характеризуется как урбанно-руральный тип с доминирующими традиционными чертами.

Ключевые слова

Цивилизационные модели, традиционализм, Словакия, семья, город-село.

SLOVAKIA BETWEEN TRADITION AND MODERNITY

Natalia V. Korovitsyna –

Doctor of Sciences,
Lead Researcher,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
Mokhovaia str., 11-3, Moscow, Russia, 125009.
korovicsyna@mail.ru

Abstract

The author analyses the dynamics of main demographic shifts during the liberal modernisation in Slovakia as a result of generational effects. The author pays special attention to the family behaviour dimension and the crucial role of rural origins of population in the contemporary Slovak society. This society is characterised as an urban-rural type of society with dominant traditional features.

Keywords

Civilizational models, traditionalism, Slovakia, family, city-village.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».

Неоспоримый факт — ускоренная индустриализация региона Центральной и Восточной Европы пришлось на период реального социализма. После окончания Второй мировой войны восточноевропейское общество оставалось преимущественно аграрным, сельским, т.е. сохраняло «досовременный» облик. В 1948 г. в сельском хозяйстве было занято свыше 60 % экономически активного населения стран региона, кроме Чехии и ГДР. К 1963–1964 гг. рассматриваемая группа стран превратилась в индустриально-аграрные. Это означает, что занятость в промышленности тогда впервые превысила сельскохозяйственную¹. В 1970-е годы доля аграрного сектора снизилась до менее 20 %. За годы социалистической индустриализации, как основы модерн-проекта советского типа, социалистические страны совершили долгожданный рывок в развитии — больший, чем за многие предшествующие исторические этапы. По показателям структуры народного хозяйства Словакии удалось преодолеть отставание от промышленно развитых Чешских земель в 50–80 лет, существовавшее в первые послевоенные годы. В течение довольно короткого времени словацкое общество достигло и перевеса городского населения над сельским, хотя темп урбанизации был ниже по сравнению с индустриализацией. В 1950 г. доля горожан составляла 26,2 %, в 1970 г. — 37 %, а в 1980 г., наконец, преодолела границу 50 %². Цивилизационные сдвиги происходили в атмосфере массового созидательного настроения³.

Социалистическая или индустриальная модернизация основывалась на политике полной занятости, нивелизации оплаты труда, позитивной дискриминации нижних слоев в сфере образования. Заработок не предопределял, как раньше, положение в общественной иерархии, его важным фактором стал значительно возросший уровень образования населения. По переписи 1980 г. в категории 25–29-летних лишь каждый четвертый гражданин Словакии обладал неполным (восьмилетним) средним образованием, тогда как у людей старше 60 лет — свыше 80 %⁴. В первом, а особенно во втором послевоенном поколении сформировались средние и высшие слои словацкого общества. Вскоре после следующей смены систем, в 1993 г., к этим группам принадлежало 44 % экономически активного населения, тогда как в 1967 г. — 29 %⁵.

¹ Londák M. *Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu* // Londák M., Michálek S. a kol. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 200.

² Strapcová K. *Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989* // Búzik B., Strapcová K., Zeman M. *Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2008. S. 66.

³ Lipták L. *Slovensko v 20. storočí*. Bratislava, 1998. S. 317–318. См. также: Коровицына Н. *С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития*. М.: Эксмо, 2003.

⁴ Strapcová K. *Sociálny status...* S. 78.

⁵ Bunčák J., Džambazovič R., Sopóci J. *Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach* // Londák M., Michálek S. a kol. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 591.

Либеральная (посткоммунистическая и постиндустриальная) модернизация общества в Словакии, как и Центральной и Восточной Европе в целом, преследовала цель перехода к западной — демократической — цивилизационной модели (вестернизации). «Бархатные» революции (и последующие «цветные») осуществлялись в интересах не отдельных классов, а развития гражданского общества и перехода к рыночной экономике в недавнем прошлом преимущественно традиционных обществ восточноевропейского типа. Речь шла, прежде всего, об их политической модернизации. Однако при этом подразумевалась полная трансформация жизненных основ, культуры и менталитета народов региона. Сущность и результаты этих глубинных процессов, продолжающихся уже почти три десятилетия, раскрывают проведенные в Словакии конкретные социоэмпирические исследования по завершении поколенческого цикла перемен. По сути, главный вывод специалистов звучит на первый взгляд неожиданно: «Словакия и в XXI в. остается социально консервативной и преимущественно сельской страной. ...Поэтому здесь невозможно в XXI в. создать радикально несельское и космополитичное общество»⁶.

С течением времени развеялись и иллюзии реформаторов о цивилизационных сдвигах в результате естественной смены поколений⁷, возможно, именно в Словакии особенно безнадежные. Более того, многие проблемы консолидации демократии и даже ее регресс оказались следствием уже не только «наследия прошлого», но и самой неолиберальной трансформации⁸. Еще в межвоенной Чехословакии существовало представление о словацком народе как гомогенной коллективности, не обладающей отчетливой социальной и политической дифференциацией. В значительной мере это было обусловлено характером социальной структуры словацкого общества, довольно низким уровнем его образования и благосостояния, слабой традицией гражданского общества в западном понимании. Однако в отличие от западноевропейских стран в Словакии и большинстве других «новых демократий» и после 1989 г. партийные структуры продолжали формироваться на основе политизации культурных или ценностных, а не социально-структурных различий.

Посткоммунистическая модернизация имеет важное, если не определяющее, демографическое измерение. Оно заключается не только в превращении рассматриваемой группы стран уже в первое десятилетие после 1989 г. в регион с естественной убылью населения, а особенно после

⁶ *Buzalka J.* Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? // *Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti* / ed.: M. Bútorá, Z. Bútorová, M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava: IVO, 2013. S. 164.

⁷ *Bútorová Z.* Ako chute slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky // *Odkiaľ a kam...* S. 144.

⁸ *Marušiak J.* Už nie Východ — ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. S. 377.

вступления в ЕС в 2004 г. — и с массовой миграцией за рубеж. Именно усилением социальных различий и появлением «проигравших» от смены общественной системы групп общества в Словакии, как и в соседних с ней странах, объясняется отчетливое к началу XXI в. становление здесь новой модели воспроизводственного и семейного поведения. Оно выразилось, в первую очередь, в ослаблении связи между браком и рождением детей или стремительном росте доли внебрачных детей. В течение многих лет во второй половине XX в. этот показатель держался в Словакии на уровне 5–7 %, но в 2011 г. достиг 34 % всех рожденных детей. Перемены концентрировались в среде людей с низким социальным статусом⁹. Демографическое поведение высокообразованных женщин при этом по-прежнему характеризуется как «традиционное»¹⁰. У них по состоянию на 2009 г. всего 18 % первых детей рождено вне брака, тогда как у женщин с неполным средним образованием — 80 %¹¹.

В Словакии особенно отчетливо проступила связь феномена «свободного материнства» (и общего снижения количества браков и рождений) не с наступлением так называемого второго демографического перехода в результате смены системы ценностей, как за два десятилетия до этого в Западной Европе, а со спецификой социальных перемен в годы реформ. Словакия (в отличие от Чехии) находится к востоку от так называемой линии Гайнала, уже несколько столетий разделяющей европейский континент на два исторических типа семейного поведения, характерных для аграрного Востока и индустриального Запада¹². Восточноевропейский тип семейного поведения сохранялся в Словакии и в ходе социалистической модернизации. На ее завершающем этапе в результате политики нивелирования воспроизводственного поведения различных социально-образовательных групп общество современного типа сочеталось с традиционными семейными системами¹³. Но, начиная с поколения 1960-х годов рождения, положение меняется. Нижние слои общества отказываются от консервативных семейных ценностей и образцов, однако в силу социально-экономических обстоятельств, а не модернизационных факторов.

В течение двух десятилетий после политических перемен 1989 г. различия между странами запада и востока Европы в возрасте вступления в брак

⁹ Potančoková M. Rodina a životné dráhy mladých dospelých // Ako sa mení slovenská spoločnosť / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 109.

¹⁰ Džambazovič R. Rodinné správanie v demografických dátach. Bratislava: Stimul, 2012. S. 32.

¹¹ Potančoková M. Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky // Desat'ročia premien slovenskej spoločnosti, Bratislava: VEDA, 2011. S. 56.

¹² Подробнее см.: Коровицына Н.В. Процессы трансформации чешской семьи в середине XX — начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 194–205.

¹³ Džambazovič R. Rodinné správanie v demografických dátach. S. 101.

и рождения детей, а также по доле хозяйств одиноких людей, стирались. Несмотря на выраженный догоняющий эффект, католическая Словакия, как и Польша, с более консервативными семейными традициями, согласно оценкам социодемографов, возможно никогда не сравняются с демографическими параметрами Западной Европы¹⁴. Среди словаков сейчас всего 30 % мужчин в возрасте 20–34 лет живут независимо от родителей (в целом по центральноевропейскому региону — менее половины), не больше 4 % — в незарегистрированном союзе, но выше всего доля мужчин, проживающих в семьях со своими детьми — три четверти (в Германии — чуть больше половины). Образ жизни в Словакии и Польше меняется медленнее, чем в Чехии и Венгрии, и в некоторых отношениях в первом случае западные модели отрицаются большинством людей или приобретают совершенно иное содержание. Историческое деление на западную и восточную демографические системы существует и поныне, что, безусловно, связано с различными прошлыми практиками и ценностями.

Особенность современной цивилизационной динамики словацкого общества — противоположная по направленности периоду социализма — проявилась и в развернувшихся с начала 1990-х годов процессах его дезурбанизации, деконцентрации и увеличении и так немалой (43–44 %) доли сельского населения. Одновременно нарастали различия между городом и селом, тем более разительные после завершения политики «стирания границ» между ними в предшествующий период.

На протяжении всего периода неолиберальной трансформации словацкого общества происходил рост небольших городов с численностью населения до 10 тыс. человек и крупных сельских поселений (от 500 до 5 тыс. жителей). Напротив, переживавшие деиндустриализацию города с более 10 тыс. жителей, особенно средние и крупные, как и самые небольшие сельские поселения, характеризовались убылью населения¹⁵. Миграция из городов в сельскую местность достигла высших значений на пике словацких реформ в 2002–2004 гг. Но снижение численности городского населения регистрируется уже с 1996 г., главным образом, за счет процессов субурбанизации. Люди начали тогда переезжать в окрестности сначала столицы Братиславы, а после 2001 г. и остальных не только крупных, но также средних и малых городов — часто на «малую родину» своих ближайших предков¹⁶. Произошел своего рода «ренессанс села», связанный не в последнюю очередь с ростом привлекательности жизни в собственных семейных домах, владение которыми традиционно обладает чрезвычайно

¹⁴ *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries / J. Večerník (ed.)*. Prague: Sociologický ústav AV ČR, 2010. S. 27.

¹⁵ *Gajdoš P. Mestá — vidiek — region // Ako sa mení slovenská spoločnosť*. S. 141.

¹⁶ *Gajdoš P. Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska // Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*. S. 65; *Moravanská K. Špecifiká suburbanizácie na Slovensku // Ibid.* S. 89

высокой символической ценностью для всех словаков, отцы и деды которых в большинстве своем были сельскими жителями.

Словацкое село переживало непростые времена в условиях, когда сельскохозяйственная занятость — коллективная и индивидуальная — упала после проведения либеральных реформ до чуть более 3 %, что стало угрожать самому существованию этой традиционной сферы деятельности населения страны¹⁷. Период рыночных реформ, сформировавший в начале XXI в., прежде всего в Братиславе и ее окрестностях, один из наиболее процветающих в Европе регионов, скорее, усилил консервативный, традиционный облик словацкого села, особенно в бедных южных и восточных частях страны. Здесь происходила массовая депопуляция некоторых поселений, возникали «острова бедности» с маргинализированными слоями социально-исключенного населения. Появление целого пояса таких регионов, число которых нарастает с запада на восток страны, объясняется специалистами несовместимостью их действительности с новыми культурными образцами периода вестернизации¹⁸.

Любопытно, что еще исследование 1984 г. свидетельствовало об устойчивой склонности словаков с их крестьянскими корнями к производительной деятельности и «земельной ориентации» (*zemitost'*) этого народа, характерной, в том числе и для интеллигенции — основная ее часть была интеллигенцией в первом поколении. Способ использования ею свободного времени оказался тогда зависимым от обладания земельным участком в большей степени, чем от социальной принадлежности. Исследователи констатировали: «Интеллигенция (и не только она), владеющая землей, в своей деятельности в послерабочее время похожа на подгруппу рабочих, владеющих землей»¹⁹. Последние данные показали, что ситуация с того времени мало изменилась, в том числе в среде городских жителей.

Словацкое общество не отказывалось от своих культурных традиций в период посткоммунистической модернизации, а, скорее, возвращалось к ним. Для Центральной и Восточной Европы в целом после 1989 г. характерна отличная от западноевропейской тенденция десекуляризации и деприватизации религии. «Тезис о нарастании секуляризации прямо пропорционально нарастанию модернизации для исследуемого региона не подтвердился»²⁰. Более того, на фоне роста материалистических ориентаций при «переходе от социализма к капитализму» Словакия стала единственной в Центральной Европе страной, где, особенно в период национального

¹⁷ *J. Bunčák a kol.* Sociálne nerovnosti: storočie zmien // *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. S. 50.

¹⁸ *Gajdoš P.* Mestá — vidiek — región // *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. S. 172.

¹⁹ *Radičová I.* O zemitosti nášho vol'ného času // *Sociológia*. 1989. № 4. S. 445.

²⁰ *Podolinská T., Krivý V., Bahna M.* Religiozita: Slovensko a jeho susedia // *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. S. 242.

подъема 1990-х годов, произошел рост уровня религиозности, причем по показателям распространенности и христианской веры, и церковной практики (при стабильном уровне внецерковной практики). Словакия стала одной из наиболее традиционалистских «цитаделей» католицизма в современной Европе. Примечательно, что связь уровня религиозности с социальной принадлежностью ослабла. А с возрастом религиозность возрастает. Сравнение ее уровня для трех поколений нынешних жителей страны показало, что характер религиозной социализации не является значимым: половина людей старшего возраста, выросших в период социализма, принадлежит к категории «сильно религиозных»²¹.

Несмотря на значительные сдвиги в социальной структуре населения Словацкой Республики, обусловленные радикальными рыночными реформами правозцентристских сил в 1998–2006 гг., общекультурное, цивилизационное измерение словацкого общества сохраняло свою чрезвычайную значимость при осуществлении его посткоммунистической модернизации. Прошедшее с середины прошлого века через две волны модернизации словацкое общество — ныне городское по социальным показателям — остается преимущественно сельским, посткрестьянским в культурном отношении. Как свидетельствуют объективные данные, общественное развитие продолжало «отклоняться» от «стандартной» траектории модернизации и тенденций социальной динамики западного типа и даже шло вразрез с ними²². К тому же, в условиях ухудшения экономического положения широких слоев населения, роста социального неравенства и недовольства граждан, выявившееся «цивилизационное несоответствие» содержало потенциал его политической активизации.

Проводившиеся в Словакии социологические исследования многократно подтвердили факт предопределенности местом проживания — городским или сельским — ценностных различий населения страны. Ту же закономерность демонстрируют результаты свободных выборов, проводившихся после 1989 г. Они свидетельствуют о различиях в электоральном поведении прежде всего городских и сельских жителей. Сами словацкие политические партии здесь принято делить на городские и сельские. Наибольших успехов добиваются те из них, которые имеют массовую базу среди жителей села. Словакию отличает от стран Запада (где люди с более высоким социально-экономическим статусом проявляют повышенную электоральную активность) стабильное с 1992 г. превышение участия в выборах жителей небольших населенных пунктов, сёл по сравнению с крупными городами. Это различие важно даже не только само по себе, но и в силу разных избирательных ориентаций горожан и сельского населения. Одновременно сохраняется отмечавшаяся еще в межвоенный период тра-

²¹ Podolinská T., Krivý V., Bahna M. Religiozita: Slovensko a jeho susedia. S. 246.

²² Krivý V. Záver // Ako sa mení slovenská spoločnosť. S. 387.

диционная ориентация словаков на партии «широкого профиля», основанные на трех столпах — социальном, религиозном и национальном.

Наиболее высоко ценятся сейчас словацкими гражданами те права и свободы, которых им особенно, по их мнению, не достает. Это прежде всего права социальные. Напротив, относительно низко словаки оценивают полученные политические и гражданские права, субъективная важность которых даже сократилась. Они считаются удовлетворенными, и нарушение их не сопровождается фрустрацией. Вместе с тем, граждан особенно беспокоит ухудшение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г.: распространено представление, что «бархатная» (в Словакии — «нежная») революция не привела к ожидавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия.

Словацкий пример соотношения традиции и современности в восточно-европейском регионе особенно показателен. Хотя большинство людей живет здесь в городах, часто это первое или второе поколение городских жителей, что предопределяет ментальные и культурные воззрения словацкого общества, которое и по сей день фактически остается сельским. Шесть из каждых десяти взрослых словаков выросло (возраст до 12–14 лет) в сельской среде, еще двое — в малом городе, тогда как в крупном городе (50–100 тыс.) — едва один из десяти²³. В целом 3/4 млн. людей проживают в настоящее время в совершенно ином месте страны, чем то, где они были социализированы.

Духовная культура словаков весьма неоднородная, наиболее многочисленная часть их принадлежит исторически к восточной (Византия, Россия) культурной зоне христианства, или к «востоку». Исторически, по мнению словаков, их страна относится в равной мере близко к западной и восточной культуре (28 %), к восточной (35,7 %) и к западной (14,4 %). «Сердцем», или культурно-аутентично, словацкое общество — всё еще доминирующе сельское и малгородское²⁴. Очевидна низкая доля людей, внутренне склонных к крупногородской среде. Лишь немногим меньше половины взрослых жителей двух крупнейших городов — Братиславы и Кошице — внутренне тяготеют к характерной для них среде. Группа людей с малгородской и особенно сельской идентичностью — по сравнению с жителями, отождествляющими себя с крупногородской средой — делает акцент на социальном перераспределении («отнять у богатых и передать бедным») и меньше доверяет богатым людям. 76 % жителей страны долговременно проживают в одном месте, т.е. структура расселения относительно стабильна. Широко распространено утверждение: «Здесь я родился, здесь вырос, здесь чувствую себя дома»²⁵.

²³ Krivý V. Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku // Krivý V., Danglová O. Svet mnohých "MY a ONI": Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 96.

²⁴ Ibid. S. 98.

²⁵ Danglová O. Lokálne kontexty identity // Krivý V., Danglová O. Svet mnohých "MY a ONI". Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 142.

По оценке социологов, словацкое общество и поныне урбано-руральное с элементами традиционализма. К признакам традиционного общества принадлежат сильная связь с семьей и собственное хозяйство — земля, дом, поселение, его этническая и конфессиональная структура. С традиционализмом связаны черты, метафорически именуемые «укорененностью», «почвенничеством». В сельской среде человек живет неотделимо от природы, в соответствии с правилом «так работали наши отцы, так работаем и мы»²⁶.

Традиционное общество в той иной степени характерно и для остальных стран Центральной и Восточной Европы. Оно неотделимо от многочисленных низших — постсельских и посткрестьянских — слоев населения этих стран, крайне узкого слоя политической и экономической элиты, их углубляющейся социальной и культурной поляризации, взаимного недоверия «низов» и «верхов» общества восточноевропейского типа.

Литература

1. *Коровицына Н.* С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо, 2003.
2. *Коровицына Н.В.* Процессы трансформации чешской семьи в середине XX — начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 194–205.
3. *Bunčák J. a kol.* Sociálne nerovnosti: storočie zmien // Ako sa mení slovenská spoločnosť / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 16–87.
4. *Bunčák J., Džambazovič R., Sopóci J.* Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 585–598.
5. *Bútorová Z.* Ako chutí slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky // Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti / ed.: M. Bútorová, Z. Bútorová, M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava: IVO, 2013. S. 131–150.
6. *Buzalka J.* Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? // Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti / ed.: M. Bútorová, Z. Bútorová, M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava: IVO, 2013. S. 152–168.
7. *Danglová O.* Lokálne kontexty identity // *Krivý V., Danglová O.* Svet mnohých “MÝ a ONI”. Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 135–168.
8. *Džambazovič R.* Rodinné správanie v demografických dátach. Bratislava: Stimul, 2012.
9. *Gajdoš P.* Mestá — vidiek — region // Ako sa mení slovenská spoločnosť / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 128–176.
10. *Gajdoš P.* Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska // *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*, Bratislava: VEDA, 2011. S. 51–69.
11. *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries* / J. Večerník (ed.). Prague: Sociologický ústav AV ČR, 2010.

²⁶ *Danglová O.* Lokálne kontexty identity. S. 114.

12. *Krivý V.* Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku // *Krivý V., Danglová O.* Svet mnohých “MY a ONI”: Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 27–104.
13. *Krivý V.* Záver // *Ako sa mení slovenská spoločnosť* / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 343–388.
14. *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava: VEDA, 1998.
15. *Londák M.* Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 189–209.
16. *Marušiak J.* Už nie Východ — ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 359–384.
17. *Moravanská K.* Špecifická suburbanizácie na Slovensku // *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, 2011. S. 83–96.
18. *Podolinská T., Krivý V., Bahna M.* Religiozita: Slovensko a jeho susedia // *Ako sa mení slovenská spoločnosť* / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 181–256.
19. *Potaňčoková M.* Rodina a životné dráhy mladých dospelých // *Ako sa mení slovenská spoločnosť* / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 89–127.
20. *Potaňčoková M.* Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky // *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*, Bratislava: VEDA, 2011. S. 142–159.
21. *Radičová I.* O zemitosti nášho voľného času // *Sociológia*. 1989. N 4. S. 430–452.
22. *Strapcová K.* Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989 // *Búzik B., Strapcová K., Zeman M.* Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska. Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2008. S. 57–104.

References

1. Bunčák, J., Džambazovič, R., Sopóci, J., 2013. Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach. In: Večerník, J., ed. 2010. *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries*. Prague: Sociologický ústav SAV, pp. 585–598.
2. Bunčák, J. a kol., 2013. Sociálne nerovnosti: storočie zmien. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 16–87.
3. Bútorová, Z., 2013. Ako chutí slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky. In: Bútorová M., Bútorová Z., Kollár M., Mesežnikov G., 2013. *Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti*. Bratislava: IVO, pp. 131–150.
4. Buzalka, J., 2013. Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? In: Bútorová M., Bútorová Z., Kollár M., Mesežnikov G., 2013. *Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti*. Bratislava: IVO, pp. 152–168.

5. Danglová, O., 2006. Lokálne kontexty identity. In: Krivý, V., Danglová, O., 2006. *Svet mnohých "MY a ONI"*. Bratislava: Etnologický ústav SAV, pp. 135–168.
6. Džambazovič, R., 2012. *Rodinné správanie v demografických dátach* Bratislava: Stimul.
7. Gajdoš, P., 2011. Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska. In: *Desať ročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, pp. 51–69.
8. Gajdoš, P., 2013. Mestá — vidiek — region. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 128–176.
9. Korovitsyna, N., 2003. *S Rossiei i bez nee: vostochnoevropskii put' razvitiia* [With and without Russia: Eastern European way of development]. Moscow: Eksmo.
10. Korovitsyna, N.V., 2014. Protsessy transformatsii cheshskoi sem'i v seredine XX — nachale XXI veka [Transformation processes in Czech family in the mid-twentieth — early twenty-first century]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary history]. N 1. pp. 194–205.
11. Krivý, V., 1998. Záver. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 343–388.
12. Krivý, V., 2006. Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku. In: Krivý, V., Danglová, O., 2006. *Svet mnohých "MY a ONI": Kolektívne identity na súčasnom Slovensku*. Bratislava: Etnologický ústav SAV, pp. 27–104.
13. Lipták, L., 1998. *Slovensko v 20. storočí*. Bratislava: VEDA.
14. Londák, M., 2013. Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu. In: Londák, M., Michálek, S. a kol., 2013. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, pp. 189–209.
15. Marušiak, J., 2013. Už nie Východ — ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou. In: Londák, M., Michálek, S. a kol., 2013. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, pp. 359–384.
16. Moravanská, K., 2011. Špecifická suburbanizácie na Slovensku. In: *Desať ročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, pp. 83–96.
17. Podolinská, T., Krivý, V., Bahna, M., 2013. Religiozita: Slovensko a jeho susedia. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 181–256.
18. Potančoková, M., 2011. Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky. In: *Desať ročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, pp. 142–159.
19. Potančoková, M., 2013. Rodina a životné dráhy mladých dospelých. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 89–127.
20. Radičová, I., 1989. O zemitosti nášho vol'ného času. *Sociológia*, N 4, pp. 430–452.
21. Strapcová, K., 2008. Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989. In: Búzik, B., Strapcová, K., Zeman, M., 2008. *Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 45–71.
22. Večerník, J., ed. 2010. *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries*. Prague: Sociologický ústav.